

Лилия Фаатовна Килина

Удмуртский государственный университет

О применении лингвотекстологического метода при проведении комплексного исследования языковых фактов русских летописей¹

Ключевые слова: лингвотекстологическое исследование, летописи, фрагмент, разночтение, комплексный подход

Key words: linguistic-textological research, annals, fragment, variant reading, integrated approach

Summary

The following article touches the issue of the Old Russian text's complex research. The author offers classification of types of distinctions between the similar fragments presented in different lists in "Tale of Temporary Years." This paper proves that linguistic-textological method can be applied in research of Old Russian annalistic texts.

Сегодня наука располагает богатым арсеналом технических средств обработки информации, содержащейся не только в текстах современных, но и в текстах, созданных довольно давно. Возможности, открывшиеся перед лингвистами,

¹ Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2011 гг.) Федерального агентства по образованию РФ, проект «Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста (регистрационный номер 2.1.3/2987)».

в то же время требуют создания методологической базы для исследования, совершенствования навыков работы с текстом, представленным в электронном виде, в частности на информационных порталах.

Одним из актуальных научных направлений является *лингвотекстология*. Изучая методику анализа материала в соответствии с данным направлением, мы столкнулись с тем, что в научной среде нет единого представления о лингвотекстологическом исследовании. Так, например, на одном из сайтов можно обнаружить следующее определение:

Лингвистическая текстология – это научная дисциплина, являющаяся отраслью текстологии, цель которой состоит в установлении лингвистической истории текста, т.е. истории изменений всякого исследуемого текста с момента его создания на фоне исторически меняющейся языковой нормы [Кузьминова 2010].

Как видим, перед нами очень узкое понимание лингвотекстологии, при котором она не является самостоятельным научным направлением, существует только в рамках текстологии, а предметом изучения оказывается *история текста на фоне диахронических языковых изменений*. В данной статье мы постараемся доказать, что современное лингвотекстологическое исследование предполагает комплексный, многоаспектный анализ, в результате которого получают не столько данные об истории того или иного текста, сколько данные о развитии языковых явлений.

Тот факт, что возникновение лингвотекстологии связано с научной школой Л.П. Жуковской, никто не оспаривает, как и тот факт, что возникло она в недрах текстологии, а точнее, как продолжение традиций комплексного филологического анализа славяно-русских письменных памятников [Панин 1995: 97]. Исследования А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова, Д.С. Лихачева и др. были комплексными в силу того, что проводились на стыке литературоведения и лингвистики, т.е. были именно филологическими, а не литературоведческими или лингвистическими.

Комплексное исследование языковых фактов того или иного памятника древнерусской письменности, таким образом, – это исследование лингвотекстологическое, при проведении которого лингвист должен принимать во внимание литературные особенности изучаемого текста, специфику исторического периода его создания, культурный фон эпохи, отражающийся, как правило, в идейно-смысловой основе произведения.

Непременным условием и одним из этапов лингвотекстологического исследования является анализ типологических и текстологических работ. Именно поэтому, приступая к изучению летописного материала, мы, в первую очередь, обратились к трудам А.А. Шахматова, Д.С. Лихачева и др. Согласно теории А.А. Шахматова, первая редакция «Повести временных лет» (1113 г.) не сохранилась, вторая редакция (1116 г.) отразилась в Лаврентьевской, Радзивилловской и Академической летописях, а также в утраченной Троицкой, третья редакция – в Ипатьевской группе летописей. Таким образом, сохранившиеся известные

русские летописи отражают, в той или иной степени, вторую и третью редакции ПВЛ. Кроме того, по мнению А.А. Шахматова, ПВЛ предшествовали, по крайней мере, два свода. Непосредственно ПВЛ предшествовал Начальный Киевский свод, составленный около 1095 года (известный по НЛ), а тому, в свою очередь, еще более древний, который ученый назвал Древнейшим Киевским сводом [Шахматов 2001: 17].

Как литературные произведения летописи изучены Д.С. Лихачевым, который определил специфику летописного жанра, назвав его «объединяющим жанром» древнерусской литературы, и обратил внимание на стилистическую неоднородность летописи [Лихачев 1979]. Ученый также выделил в тексте ПВЛ ряд фрагментов, отличающихся жанрово-стилистически, и привел названия этих фрагментов в своем переводе этого текста (предание об основании Киева, притча об обрах, месть княгини Ольги и тд.). О жанрах древнерусской литературы, в том числе и о летописи, писали также В.В. Кусков, И.П. Еремин и др. [Кусков 2003; Еремин 1987]. Работы этих ученых привлекались нами при анализе жанровой специфики летописного текста.

Исследования историков (В.Н. Татищева, А. Щлецера и др.) ценны прежде всего мыслью о том, что ПВЛ до нас дошла не первоначальном виде, эту мысль подтвердил и А.А. Шахматов. П.М. Строев представил совершенно новый взгляд на летопись как на свод нескольких более ранних летописей, и такими сводами стали считать все дошедшие до нас летописи. В результате сложилось представление о летописных сводах как об исторических произведениях со своей собственной политической позицией, продиктованной местом и временем создания. Большой интерес, по нашему мнению, представляет и концепция И.Н. Данилевского об эсхатологическом значении летописей: летописи рассматриваются как «книги жизни», в которые записывались деяния людей, эти деяния должны были фигурировать на Страшном суде [Данилевский].

В интерпретации языковых фактов неоценимую помощь оказывают сочинения В.В. Колесова, посвященные древнерусской ментальности [Колесов 2001], а также работы Н.С. Ковалева, М.В. Пименовой, в которых рассматривается роль категории оценки в становлении системы оригинальных литературных произведений [Ковалев 1997, Пименова 2007].

Таким образом, комплексный анализ предполагает предварительное изучение научных работ, в которых исследуемый текст рассматривается с разных точек зрения, с позиций ученых, относящихся к различным гуманитарным направлениям. В этой связи особую значимость приобретает собственно лингвотекстологический аспект, т.е. выявление изменений в языке памятника в результате развития самого памятника. Исследование в этом аспекте и предполагает применение *лингвотекстологического метода* как поэтапного исследования типологических, текстологических и собственно языковых фактов письменного памятника, представленного более чем в одном списке [Панин 1995: 98], как *системы научно-исследовательских приемов, используемых при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины*

истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника [Панин 1995: 101] (курсив наш. – Л.К.).

Именно это определение берется за основу в большинстве современных лингвотекстологических исследований, основным объектом которых являются списки одного литературного произведения, а главной задачей – получение достоверной картины развития языка памятника. Однако не во всех работах, в которых заявлено применение этого метода, он на самом деле применяется (в том понимании, какое представлено в определении), в ряде случаев речь идет только о применении методики анализа разночтений.

Главной сферой применения метода, по мнению Л.Г. Панина, является церковнославянская письменность, так как она сохранилась в виде списков одного и того же текста. Мы же применяем указанный метод при исследовании нескольких списков «Повести временных лет» и считаем, что сопоставление летописных списков позволяет получить результаты, важные не только для выяснения особенностей развития языка этого произведения древнерусской литературы, но и для выявления общих закономерностей в истории русского языка.

Как указывает Л.Г. Панин, задача лингвиста – лингвистическая интерпретация различий, выявленных в списках памятника, в хронологическом, локальном и культурно-языковом аспектах [Панин 1995: 102]. Мы проводим исследование на материале текста ПВЛ, сохранившегося в нескольких летописных списках, сделанных в разное время и на разных территориях, что позволяет учесть хронологический и локальный аспекты соответственно. В данном случае речь идет о Лаврентьевском, Ипатьевском и Радзивиловском списках (далее ЛСЛ, ИСЛ и РСЛ соответственно. –Л.К.), время и место создания которых определяется учеными следующим образом: Лаврентьевский список датирован 1377 годом и сделан в Суздале, Ипатьевский список сделан в первой половине XV в. (либо в середине XV в.) в Новгороде или Пскове, Радзивиловский список датируется исследователями последним десятилетием XV в., является западнорусским, возможно, сделан в Смоленске.

Сопоставляя летописные списки, мы имеем возможность определить особенности реализации того или иного языкового явления в каждом из списков, а сравнивая данные по спискам, – сделать выводы относительно общезыковой тенденции. Однако достаточно сложно проводить графико-орфографические исследования, так как в этом случае лучше всего использовать оригинал текста или очень хорошую его копию, что далеко не всем доступно. При проведении подобных исследований возникают также трудности, связанные с обработкой большого количества информации. Преодолеть указанные трудности помогают современные информационные ресурсы, например портал «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/>; 6.09.2011), на котором представлены древнерусские тексты, в том числе электронная коллекция русских летописей.

Ниже мы остановимся подробнее на сопоставлении аналогичных фрагментов разных списков. При проведении такого исследования выявляются

разнотения, устанавливается, как выявленные языковые факты соотносятся с основными языковыми тенденциями. Осуществить анализ разнотений намного проще, используя электронные ресурсы, содержащие необходимые тексты.

В результате нами были определены следующие типы различий между аналогичными фрагментами:

1. Различия в структуре фрагмента (пропуски/вставки слов и фраз).
2. Графико-орфографические и фонетические разнотения.
3. Лексические разнотения.
4. Грамматические разнотения.

Рассмотрим подробнее.

1. Различия в структуре фрагмента.

1.1. Пропуск фразы в одном из списков:

❖ и се емоу глющоу и w положении тѣла въ гробѣ има и ре^ч же еи Фев^дсии поистинѣ идѣ же лаГоу азь тоу и ты положина боу^шь (РСЛ, 122.2);

❖ и се ему глщю w положении тѣла в гробѣ има **ре^ч ему Явная кто въсть кдѣ си ма положить** ре^ч же еи Февдосии поистинѣ идѣже лаГу азь ту и ты положена бодеши (ЛСЛ, 71.1);

❖ и се ему глщю і w положеньи тѣла оу гробѣ има і **ре^ч има Яневая кто въсть гдѣ ма положить** ре^ч же еи Федосии поистинѣ идѣжа азь лаГу ту и ты положена бодеши (ИСЛ, 78.2).

По ЛСЛ и ИСЛ этот фрагмент можно перевести так: И когда он говорил о положении их тел в гроб, сказала ему жена Яня: «Кто знает, где меня похоронят?» Сказал же ей Феодосий: «Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь». В РСЛ в результате пропуска части текста наблюдается искажение смыслового наполнения приведенного фрагмента: И когда он говорил о положении их тел в гроб, сказал же ей Феодосий: «Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь».

Этот пример, так же как и многие другие, свидетельствует о том, что для понимания смысла фрагмента и для его адекватного перевода необходимо привлечение всех трех списков, а не какого-то одного.

1.2. Замена слов во фразе (может включать их перестановку):

❖ и нача молитисА съ слезами глА оувы мнѣ г^чи луче бы ми оумрети съ братомъ нежели жити на свѣтъ семь аще бо быхъ брате мои видѣль лице твое англ^чкое оумерль бы^х с тобою ... молисА w мнѣ да и азь быхъ ту же стр^чть прияль **луче бо ми было с тобою жити неже въ свѣтъ семь прелестнѣмъ** (ЛСЛ, 46.2);

❖ и нача молитисА со слезами глА оувы мнѣ г^чи луче бы мнѣ оумрети с братомъ нежели жити въ свѣтъ семь ^{прелестнемъ} аще бо быхъ видиль ^{брате} лице твое англ^чкое оумерль быхъ с тобою ... молисА w мнѣ да и азь быхъ ту же прияль стр^чть **луче бы ми с тобою оумрети нежели въ свѣтъ семь прелестнемъ жи^т** (ИСЛ, 51.1);

❖ и нача молитисА со слезами глА оувы мнѢ ги лоучи бы оумрети со бра^тмь нежели жити на свѣтъ семь аще бо бы^х бра^т мои видель лице твое аггл^ое оумерль бы^х с тобою ... и молисА w мнѢ да азъ бы^х тоу * стр^сть прияль лоу^ч бы ми с тобою оумрети нежели въ свѣте прелестнемь жити (РСЛ, 76.2–77.1).

Если в первом случае говорится о желании Глеба жить вместе с братом (имеется в виду на небесах), то во втором – о желании умереть из-за невозможности жить на этом свете. Иначе говоря, именно в ЛСЛ смерть Глеба рассматривается им самим как возможность не просто соединиться с братом, а соединиться для лучшей жизни. Значит, если в ИСЛ и РСЛ представлена только оценка мира людей (*свѣтъ прѣльстныи*, т.е. ‘мир, пребывающий в заблуждении, обманутый и обманывающий’), то в ЛСЛ еще и утверждается идеал лучшей жизни (царствие небесное). Заметим, что в переводе Д.С. Лихачева отражен вариант ИСЛ и РСЛ: лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете.

Пропуски или вставки слов, как правило, не влияют на общий смысл отрывка, однако в ряде случаев смысловые трансформации все же обнаруживаются. По мнению Л.Г. Панина, различия, которые создают отличия в содержании текста, являются текстологическими, к ним ученый относит: 1) пропуски части текста / слов или вставки, 2) грамматические и лексические различия, которые невозможно объяснить только как варианты или синонимические [Панин 1988: 9].

Таким образом, анализ различий в структуре фрагмента по разным спискам позволяет определить особенности содержания, что в целом помогает осуществить адекватный перевод текста.

2. Графико-орфографические и фонетические различия.

2.1. Различия в употреблении отдельных графем:

❖ бьють сА сами и т^ого сА добьють егда влѣзуть ли живи (ЛСЛ, 3.2);

❖ и начнутъ хвостати^с и того собѣ добью^т wdва вылѣзуть ле живы (ИСЛ, 5.1);

❖ и начнут сА бити и того добью^т wdва вылезу^т живи соущи (РСЛ, 4.1).

Здесь мы можем наблюдать различия в написании букв в строку/над строкой, а также различия в написании гласных в корне слова: влѣзуть (ЛСЛ) – вылѣзуть (ИСЛ) – вылезу^т (РСЛ).

2.2. Различия в употреблении лексико-фонетических вариантов:

❖ совлокутьсА и будутъ назѣ (ЛСЛ, 3.2);

❖ свълекутсА и будутъ назѣ (ИСЛ, 5.1);

❖ сволокуть^с и боудутъ назѣ (РСЛ, 4.1).

В данном случае мы наблюдаем употребление полногласного варианта в РСЛ, неполногласного в ИСЛ, варианта с -ло- в ЛСЛ.

Анализ графико-орфографических различий позволяет проследить развитие отдельных графических явлений, историю графем, употребление которых может быть связано с фонетическими явлениями. Анализ фонетических

вариантов может помочь в установлении фонетических особенностей говора писца того или иного списка.

3. Лексические разночтения.

3.1. Мена слово/слово:

❖ *деревлАномъ же пришедьшимъ повелѣ влѣга **мовь створити** рькуще сице измывшесА придите ко мнѣ вни же **пережьгоша истопку** и влѣзоша деревлАне начаша сА мыти и **запроша** в них **истобьку** и повелѣ зажечи я вт двери ту изгорѣша вси (ЛСЛ, 15.2);*

❖ *деревлАномъ же прішедьши^м повелѣ влѣга **мовницю створити** ркущи сице измывшесА придета къ мнѣ вни же **пережьгоша мовницю** и влѣзоша дrevлАне и начаша мытисА и **запроша м^овницю** в ни^х и повелѣ зажечи я вт двери и ту изгорѣша вси (ИСЛ, 22.2);*

❖ *деревлАномъ же прише^дши^м и повелѣ влѣга **мовь строити** рекуще сице измывшес^с прииди^т ко мнѣ вни ^ж **прежьгоша истьбоу** и влзеша деревлАне и нача^{сА} мыти и **запроша** в ни^х **двери** и повелѣ зажечь а повелѣ зажечь а вт двери и тоу изгорѣша вси (РСЛ, 28.2–29).*

В данных отрывках мы видим следующие разночтения: **мовь створити** (ЛСЛ) – **мовницю створити** (ИСЛ) – **мовь строити** (РСЛ), **истопку** (ЛСЛ) – **мовницю** – (ИСЛ) – **истьбоу** (РСЛ), **истобьку** (ЛСЛ) – **м^овницю** (ИСЛ) – **двери** (РСЛ).

Согласно данным исторических словарей, *мовь* – ‘мытье’ (приводится именно этот контекст по ЛСЛ. – Л.К.), ‘баня’, ‘мытье в бане’ (творАть имь мовь – из договора Олега с греками 907 года), *мовница* – ‘баня’, ‘мытье в бане’ (с этим же значением *мовья*); *итьба* – ‘жилой дом, жилище’, ‘деревянная постройка, использовавшаяся первоначально в качестве бани, помещения хозяйственного назначения, а позже для жилья’, *истоп(ъ)ка* (*истобька*, *истобка*) – ‘изба’, ‘баня’, ‘тюрьма(?)’, ‘небольшая изба, избушка, небольшое помещение в доме’ [Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), Словарь русского языка XI–XVII вв., Срезневский 1958]. Слова *итьба* и *истопъка*, по мнению этимологов, были разными словами, причем первое неславянского происхождения, заимствовано еще до распада общеславянского языка (ср. др.-в.-нем. *stuba* ‘теплое помещение’), а второе – *истопъка* – от *топити*, но потом (рано) слились [Историко-этимологический словарь современного русского языка].

Употребление в списках вариантов *мовь* – *мовья* – *мовница* обусловлено тем, что в сочетании с глаголами *створити* или *строити* (устроить) актуализируется значение ‘мытье’, здесь не так важно место, где это мытье будет происходить, в то же время вариант *мовница*, благодаря наличию суффикса, в большей степени указывает на место. В сочетании же с глаголом *пережечи* актуализируется значение ‘место, где моются’, т.е. ‘баня’: *истопку* (ЛСЛ) – *мовницю* – (ИСЛ) – *итьбоу* (РСЛ). В данном случае, судя по всему, перед нами синонимы.

В сочетании с глаголом *заперети* (*запрети*) находим *истобьку* (ЛСЛ) – *м^овницю* (ИСЛ) – *двери* (РСЛ), именно в последнем случае наблюдаем

указание не просто на место (баню), а на его часть, на двери, которые заперли. Данное разночтение, несмотря на отличия в семантике, не влияет на общий смысл контекста, только здесь необходимо говорить уже не о синонимии, а о метонимии.

3.2. Мена слово/формула:

❖ и вблѣютсА **квасомъ оуснианы**^м ... и возмуть на сА **прутье младое** (ЛСЛ, 3.2);

❖ и вбольютсА **мытелью** ... и возмуть **вѣники** (ИСЛ, 5.1);

❖ и вбольютсА **мытелью** ... и возмуть **вѣтвие** (РСЛ, 4.1).

Приведенные мены не меняют общего смысла фрагмента, таким образом, можно говорить об установлении синонимических отношений между словосочетанием и словом.

Следовательно, анализ лексических разночтений позволяет выявить и проследить связи между словами, их активизацию и ослабление. Как показало сопоставительное исследование некоторых фрагментов ПВЛ по разным спискам, лексические разночтения в ряде случаев свидетельствуют о формировании синонимических или метонимических отношений между языковыми единицами, а также помогают обнаружить проявления распада именного синкретизма.

4. Грамматические разночтения.

4.1. Различия в употреблении грамматических форм разных частей речи (морфологические разночтения):

❖ заутра же собравъ избытокъ новгородецъ Ярославъ ре^ч в **люба моя дружина** юже вчера избихъ (ЛСЛ, 48.1);

❖ заутра же собравъ избытокъ новгородцевъ и ре^ч Ярославъ в **любимая дружино** юже избихъ вчера (ИСЛ, 53.1);

❖ наутра же собравъ избытоко новгоро^нцевъ Ярославъ ре^ч в **любимая дружина** юже вчера избихъ (РСЛ, 79.2).

Как видим, здесь представлены разночтения **люба – любимая**, а также **дружина – дружино**. В первом случае в ЛСЛ употребляется нечленная форма имени прилагательного *любый* ‘любимый, нравящийся, приятный’ [Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)], а в ИСЛ и РСЛ – членная форма страдательного причастия *любимый* ‘внушающий любовь, расположение, любимый, дорогой’ [Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)]. Именно это разночтение позволяет подтвердить предположение о том, что страдательное причастие в членной форме употребляется в атрибутивной (определяющей) функции, в семантико-грамматической структуре слова отсутствует значение процессуального признака, значение «приобретенности», речь идет скорее о свойстве субъекта. Несмотря на то, что связь с глаголом еще ощущается на семантическом уровне, грамматика эту связь уже не поддерживает (ср. также *сноу мои любый* (Изб. 1076, 112) [Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)]).

Во втором случае разночтения фиксируют утрату звательной формы в ЛСЛ и РСЛ и ее сохранение в ИСЛ, в контексте, где функционально она оправдана

(в обращении): «В памятниках письменности XIV–XV вв. наблюдается замена звательной формы в обращении формой именительного падежа, что свидетельствует о ее утрате» [Стеценко 1997: 125].

4.2. Различия в структуре словосочетаний/предложений:

❖ и правАщю стадо порученое ему бмь черноризци не токмо бо си едины но и мирьскими печашесА w дшахь ихь како быша спслисА паче же w дхвныхъ снЬхъ своихъ (ЛСЛ, 70.2);

❖ и правАщю стадо порученое ему бгомь черноризци не токмо же си едины но и мирьскими печаше^с дшами како быша спслисА паче же w с^бне^х своихъ дшевы^х (ИСЛ, 78.2);

❖ и прАвАщюу стадо порученое ему бгмь черноризци не токмо * си едины и мирьскими печаше^с дшами како быша сп^слисА паче * и w снехъ свои^х дшевы^х (РСЛ, 122.2).

В данном случае представлены различия в глагольном управлении: в ЛСЛ предложное управление, в ИСЛ и РСЛ – беспредложное.

Можно сказать, что анализ грамматических разночтений, выявленных при сопоставительном исследовании аналогичных фрагментов, позволяет проследить развитие грамматических категорий, установление синтаксических отношений.

Принимая во внимание, что тексты летописей (особенно содержащие ПВЛ) имеют компилятивный характер, считаем также возможным и необходимым сопоставление не только списков летописей, но и сопоставление фрагментов летописей. На сегодняшний день существует несколько оснований для деления летописного текста на фрагменты, т.е. фрагментирования. Так, например, деление в зависимости от почерка (писца) позволяет при сопоставлении фрагментов определить графико-орфографические, а в ряде случаев и фонетические особенности текста, которые могут зависеть, например, от времени и территории его создания. Сейчас ведется разработка принципов фрагментирования летописного текста в зависимости от жанрово-стилистических особенностей. Основанием для такого фрагментирования послужили в том числе работы литературоведов, в которых рассматривается жанровая классификация древнерусской литературы.

Итак, нами установлено, что лингвотекстологический метод может и должен применяться при анализе текстов летописей, однако чтобы исследование стало комплексным, необходимо учесть текстологические, литературные и идейно-содержательные особенности изучаемого памятника письменности.

Литература

- Аванесов Р.И. (ред.), 1988–2000, *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в 10 т.*, АН СССР. Институт русского языка, Москва: Русский язык.
- Данилевский И.Н. «Добру и злу внимая равнодушно...?» (*Нравственные императивы древнерусского летописца*), <http://ao.orthodoxy.ru/arch/006/006-danilev.htm>; 9.11.2011.
- Еремин И.П., 1987, *Лекции и статьи по истории древней русской литературы*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Кусков В.В., 2003, *История древнерусской литературы: учеб. для филол. спец. вузов*, Москва: «Высшая школа».
- Ковалев Н.С., 1997, *Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки*, Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.
- Колесов В.В., 2001, *Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло*, Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
- Кузьминова Е.А., 2010, *Лингвистическая текстология*, <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01192:article>; 9.11.2011.
- Лихачев Д.С., 1979, *Поэтика древнерусской литературы*, Москва: Наука.
- Панин Л.Г., 1988, *Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв.*, Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.
- Панин Л.Г., 1995, *История церковнославянского языка и лингвистическая текстология*, Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ.
- Пименова М.В., 2007, *Красотой украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте*, Санкт-Петербург, Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Владимир: *Волгоградский государственный педагогический университет*.
- Стеценко А.Н., 1977, *Исторический синтаксис русского языка: учеб. пособие для пед. ин-тов и филол. фак. ун-тов*, Москва: «Высшая школа».
- Срезневский И.И., 1912/1989, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 1–3, Санкт-Петербург.
- Филин Ф.П. (ред.), 1982, *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, АН СССР. Институт русского языка, Москва: Наука.
- Черных П.Я., 1999, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, Москва: Русский язык.
- Шахматов А.А., 2001, *Разыскания о русских летописях*, Москва: Академический Проект, Жуковский: Кучково поле.